

Б. И. КУЗНЕЦОВ

## «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока

В 1879 г. А. Н. Веселовский опубликовал текст древнерусского памятника «Слово о двенадцати снах Шахаиши» по списку, который, по его мнению, был написан не позднее 70-х годов XV в.<sup>1</sup> Веселовский, вслед за известным востоковедом И. П. Минаевым, высказал предположение, что одно из действующих лиц этого памятника, Шахаиша, — не имя собственное, а титул персидских царей (шаханшах).<sup>2</sup> В заключительной части своего исследования, приложенного к публикации текста «Слова», Веселовский писал: «Если бы этимология Шахаиши оказалась состоятельной, определилась бы для сравнительно древнего времени (во всяком случае для XV в.) возможность непосредственного литературного общения Древней Руси с Востоком, — общения, в круг которого вошли бы, вместе со „Снами Шахаиши“, и сказка о Руслане — Рустаме, и „Суд Шемяки“, и восточная повесть, принятая в сборник „1001 Ночи“ и отразившаяся в русской былине о Подсолнечном царстве».<sup>3</sup>

Не только этимология «Шахаиши», но и целый ряд других признаков указывают на непосредственное проникновение «Слова» из Персии на Русь. Согласно упомянутому выше списку XV в., город, в котором царствует Шахаиша, называется Ирийн, а мудрец, толкующий сны царя, носит имя Мамера.<sup>4</sup> Можно утверждать, что Ирийн — название не города, а страны, т. е. Иран. Это название является достаточно древним, поскольку встречается уже в древнеперсидском памятнике Авесте (в форме «Арья-нама», т. е. «Страна ариев»). Оно было официальным названием страны с давних пор, таковым является и сейчас, но вплоть до последнего времени не было широко известным.

Название «Ирийн», как оно встречается в «Слове», отражает североиранское произношение (парфянское), существовавшее еще в первые века нашей эры. То же произношение можно видеть и в слове «шахаиша», которое соответствует североиранскому «шахіншах». Это слово, просуществовав многие столетия, вошло в современный персидский, вытеснив пер-

<sup>1</sup> А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах Шахаиши». По рукописи XV века. — СОРЯС, т. XX, № 2. СПб., 1879.

<sup>2</sup> Там же, с. 22.

<sup>3</sup> Там же, с. 47.

<sup>4</sup> В поздних списках «Слова» царь и мудрец (философ) поменялись местами: царь носит имя Мамера (иногда — Ирийн), а мудрец назван Шеховиц. По мнению А. Н. Веселовского, перестановка имен появилась в результате неясно понятого заглавия: сны царя истолковывались Мамером, в этом смысле они были «Сны Мамера», т. е. истолкованные им, а дальнейшее перемещение имен в тексте явилось следствием этого изменения заглавия, — см.: А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах . . .», с. 2.

сидскую форму «шахánшах». Отмеченные особенности дают возможность предполагать, что имя «Мамер», вероятнее всего, соответствует имени «Амер», тем более что в таком виде оно зафиксировано в одном из списков «Слова».<sup>5</sup> В этом случае форма имени «Амер» будет также отражать североиранское (парфянское) произношение, соответствуя древнеперсидскому имени Митра.<sup>6</sup> Персидские имена и названия, встречающиеся в «Слове», подтверждают догадку А. Н. Веселовского о вероятном проникновении этого памятника литературы на Русь непосредственно с Востока, так как в противном случае, при передаче «Слова» через народы-посредники, восточные имена и названия вряд ли сохранили бы в столь чистом виде отмеченные фонетические особенности.

Мудрец Мамера (Амера, Митра), толкуя сны шахиншаха, т. е. персидского царя, пророчесствует о грядущих бедствиях, которые ожидают человечество, и предрекает в конечном счете гибель всему миру. Столь большая ответственность, которую он берет на себя, давая с претензией на абсолютную точность весьма мрачные прогнозы, может служить намеком на высокое, а может быть, и высшее положение этого пророка при дворе.

Судя по центральноазиатским источникам, которые основываются на индийской и иранской исторических традициях, персидский пророк Митра — лицо историческое.<sup>7</sup> Этот пророк, чаще всего именуемый в тибетских источниках как «Совершенный жрец» (тиб. «Шен-раб»), родился в Персиде (Пасаргадах) и был не только современником создания Киром Великим персидской империи Ахеменидов (VI в. до н. э.), но и, вероятно, одним из главных сановников персидского «царя царей» (шахиншаха). На долю Митры выпала задача привести в систему религиозные культы разноязычной и разноплеменной Персидской империи, которую сами персы отождествляли со всем известным им миром. Основная концепция, которую проповедовал Митра, состояла в том, что в мире существует одна религия, общая для всех, так как все люди на земле верят в одних и тех же богов, только именуют их по-разному, каждый на своем языке.<sup>8</sup>

На тибетском языке сохранилась биография Митры.<sup>9</sup> Согласно тибетской традиции, ее текст был сначала переведен с «иранского» (среднеперсидского) на шаншунский язык, который в первые века нашей эры был распространен в северных районах Тибета, а затем уже с шаншунского на тибетский.<sup>10</sup> Никаких дат, которые указывали бы на время перевода, не существует, но, согласно той же традиции, во времена тибетского

<sup>5</sup> Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, с. 90.

<sup>6</sup> Приняю свою благодарность иранисту, доценту Восточного факультета ЛГУ С. Н. Соколову за постоянные консультации по персидскому языку, а также за его ценные замечания и советы, которые он делал по ходу моей работы.

<sup>7</sup> Тибетский историк Сумпа-кхано (XVIII в.), который основывался на версии своего предшественника Таранаты (1608 г.), черпавшего факты из индийских источников, дает следующие варианты имени древнего персидского религиозного деятеля: «Мáтхур», «Мáтхара» — и делает, как и Тараната, Заратуштру (тиб. «Ардхо», «Арадхоха» от перс. «Зардухашт») последователем Матхуры (Митры), — см.: S u m p a - K h a n - p o . History of the Rise, Progress and Downfall of Buddhism in India. Ed. by S. Ch. Das. Calcutta, 1908, p. 88. В других тибетских источниках, основанных на иранской исторической традиции, имя персидского пророка дается как «Мура», что соответствует среднеперсидскому «Михр» (от древнеперс. «Митра»). См., например: Tibetan-Zang-zung Dictionary. Delhi, 1967, p. 6, 18.

<sup>8</sup> Б. И. Кузнецов. Кто основал религию бон? — В кн.: Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972, с. 132—134.

<sup>9</sup> 'Dus-ra rin-po-che'i gnyud gzer-mig. Delhi, 1965.

<sup>10</sup> Эта традиция изложена тибетцами в послесловии к изданию биографии Митры: 'Dus-ra rin-po-che'i gnyud. . . , p. 1127—1138, 1167.

царя Кхрисрона (VIII в. н. э.) биография Митры оказалась в числе запрещенных книг и была спрятана от уничтожения в местности Сам-е (Центральный Тибет), что имело место в 753 г. Сочинение находилось в тайнике около 144 лет, откуда оно было извлечено почитателями учения Митры и снова получило распространение.<sup>11</sup>

В биографии Митры подробно рассказывается о рождении будущего учителя, или пророка, о его юных годах и дальнейшей деятельности как проповедника. Идеи, которые он проповедовал, не были оригинальными и представляли собой хорошо известные концепции индоиранских народов: дуализм света и тьмы, добра и зла. Нужно почитать богов, которые относятся к сфере света и добра, и бороться против темных сил. Посредниками между богами и людьми являются жрецы, которые получили свыше откровение, мудрость, знание ритуалов, одним словом — моральное право непосредственно обращаться к высшим силам, а также с помощью заклинаний и обрядов изгонять нечистую силу.

Далее в том же сочинении рассказывается о том, как перед пророком Митрой, который находился в южной части Ирана, появился посланник верховного божества, именуемого Мудрым (иран. «Мазда»), и призвал Митру обратить в истинную веру царя северного Ирана — Мидии, а также его подданных. Происходит война между южным и северным Ираном, которая изображается с большой долей фантастики: Митра, в окружении разных чудовищ, его сторонников и почитателей, громит армии врагов, подчиняет себе северян (мидиян) и наставляет их, а также их царя на путь «истинной веры».

Затем в том же источнике рассказывается о проповеди Митры на северо-востоке и востоке Ирана, его путешествии в Центральную Азию (Шаншун и Тибет), после чего он отправляется на запад — в Вавилон. Его появлению на западе предшествует подробное и длинное описание событий, которые там имели место примерно на протяжении ста лет, вплоть до появления персов во главе с Митрой. В последней главе содержится пророчество о грядущих бедствиях на земле: «В те времена деяния людей ослабнут, болезни, моль (черви), оружие, огонь и вода деяния людей прекратят, и милостью будет изгнание (?). Множество грехов увеличится, оставшиеся (уцелевшие) люди будут мучимы долго, и нигде им не будет опоры».<sup>12</sup> Далее говорится о том, что окончательное спасение придет в Иран в лице пророка, последователя учения Митры.<sup>13</sup>

Пророчества, содержащиеся в тибетской книге, близки по духу тем, которые мы находим в «Слове о двенадцати снах Шахаиши». Основное различие между ними состоит в том, что в биографии Митры тема пророчеств о грядущих бедствиях едва намечена. Это всего лишь краткий конспект по сравнению с развернутым и красочным повествованием «Слова», что является вполне естественным, если принять во внимание время создания биографии Митры: ядро этого сочинения складывается в VI—V вв. до н. э., в последующие века на него накладываются наслоения, и только около начала нашей эры биография приобретает свой окончательный вид. Таким образом, с момента ее создания до появления «Слова» на Руси прошло не менее тысячи лет. Поскольку в пророчествах биографии Митры нет достаточно ярких образов, которым можно было бы подобрать вполне убе-

<sup>11</sup> Там же, с. 1137—1138.

<sup>12</sup> Там же, с. 1118—1119.

<sup>13</sup> Книга заканчивается поздней припиской к основному тексту, в которой дается перечисление имен наиболее знаменитых проповедников религии Митры в Персии, Индии, Риме и других странах, что, вероятно, должно было служить намеком на универсальный характер религии, которую проповедовал Митра, — см.: 'Dus-ra gin-ro-che'i ggyud... , p. 1123.

дительные параллели в «Слове», постольку приведенное выше соображение о возможной связи тибето-персидского сочинения с древнерусским пока что остается простым предположением.

В XIII в. в Персии было создано сочинение «Заратушт-нама» («Книга Заратуштры», т. е. биография Заратуштры), автором которого был Заратушт-и-Бахрам,<sup>14</sup> последователь учения Заратуштры. В самом начале своего сочинения персидский писатель говорит, что видел книги на пехлеви (среднеперсидском), в которых излагаются события, происходящие в мире, деяния и поступки предков. При этом он ссылается также на устную зороастрийскую традицию.<sup>15</sup> Сопоставление тибетской биографии Митры с «Книгой Заратуштры» показывает, что биография Заратуштры построена в очень большой степени на биографии его религиозного предшественника, т. е. пророка Митры, с вполне очевидным использованием фактов из его жизни и деятельности. «Книга Заратуштры», как и биография Митры, заканчивается пророчествами о грядущих бедствиях, которые оказываются по содержанию уже настолько близкими к пророчествам «Слова», что становится возможным говорить об их общем происхождении. Но прежде чем мы перейдем к сопоставлению наиболее важных эпизодов из биографии Митры и Заратуштры и затем — к сопоставлению персидских и русских пророчеств, попытаемся в самых общих чертах пояснить, почему биография Заратуштры включает в себя много эпизодов из биографии совсем другого лица.

Можно предполагать, что в древнем Иране VI—V вв. было два основных религиозных направления: политеизм, основанный на индоиранских культах богов, реформатором которого был Митра, и монотеизм, возникший под влиянием иудейской религии, но на основе древних иранских обрядов и представлений. В эпоху Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) в Иране господствовал политеизм, который затем был постепенно вытеснен монотеизмом, создание которого обычно приписывают Заратуштре (VI—V вв. до н. э.). Как уже отмечалось в научной литературе, в Авесте, священной книге зороастрийцев, соединились две противоположных религии: зороастризм, который, очевидно, не индоиранского происхождения, и другая, восходящая к древним иранским культам.<sup>16</sup> Как нам кажется, это соединение двух разных религий в одну под названием зороастризм способствовало объединению двух разных биографий — Митры и Заратуштры.

Отметим то общее, что имеется в персидском и тибетском сочинениях. «Книга Заратуштры» начинается рассказом о тех временах, когда мир был омрачен злом и не было на земле ни управления, ни мудрых наставлений, ни власти среди безрассудных людей. Презирая бога и его предписания, они отвратились от божественной веры. Вселенная попала под власть злого демона, и весь мир «удалился» от справедливости и закона. Злой дух, Ариман, ликовал и радовался заблуждению людей.<sup>17</sup>

Сходные мотивы содержатся в первой главе биографии Митры, а именно — что люди пылают гневом, как огонь. Другие кипят страстями, третьи окутаны глупостью, невежеством, и все они творят самые разнообразные плохие деяния на радость демону. Как и в персидском сочинении, сказанное относится к «древнему» периоду жизни людей, который предшествует появлению пророка.<sup>18</sup>

<sup>14</sup> Le Livre de Zoroastre (Zarâtusht nâma) de Zaratusht-i-Bahrâm ben Pajdu. Publié et traduit par F. Rosenberg. St.-Petersburg, 1904.

<sup>15</sup> Там же, с. 8.

<sup>16</sup> L. de la Vallée-Poussin. Indo-européens et Indo-iraniens l'Ind jusque vers 300 an. J. C. Paris, 1924, p. 65—67.

<sup>17</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 4.

<sup>18</sup> 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 2—15.

Далее в обоих сочинениях одинаково рассказывается о том, как на небе высшие силы решают послать на землю руководителя для людей, который должен будет вести их за собой по истинному пути. Заблаговременно выбирается народ и знатная семья, царского происхождения, в которой должен родиться будущий пророк, по персидскому тексту — Заратуштра, по тибетскому — Митра.<sup>19</sup>

Мать Заратуштры незадолго до рождения сына видит во сне облако, остановившееся над дворцом, из которого дождем сыпятся на землю львы, тигры, драконы и прочие твари. Прорицатель, толкующий сон, предсказывает рождение великого человека, «который будет сиять в мире как солнце и которого никто не превзойдет в блеске и могуществе».<sup>20</sup> По тибетской версии, боги, разные чудовища и духи, но не во сне, а наяву, «спускаются с неба, словно дождь», чтобы приветствовать рождение будущего великого учителя.<sup>21</sup> Заратуштра и Митра рождаются ранним утром на рассвете, причем при их появлении все вокруг заливается ярким светом.<sup>22</sup> Стоит обратить внимание на то, что эпизод из биографии Митры о поклонении ему богов, духов и т. д. мотивирован, так как появление последних только тем и оправдано, что они воздают почести будущему пророку. В биографии Заратуштры этот эпизод уже лишен всякого смысла, и поэтому трудно уловить какую-либо связь между сном и его толкованием.

В дальнейшем события из жизни и деятельности двух учителей, о которых рассказывается в персидской и тибетской книгах, иногда совпадают, иногда не имеют между собой ничего общего. Естественным совпадением можно считать рассказ о том, как злые демоны и различные враги боролись против пророков и пытались их погубить, а также рассказ об их ритуальном омовении. Сходным образом оба изгоняют нечистую силу: Митра, читая заклинания, а Заратуштра — Авесту и Зенд.<sup>23</sup> Наиболее существенным несовпадением является то, что Заратуштра проповедует монотеизм, а Митра — политеизм, что достаточно ярко свидетельствует в пользу гораздо большей древности тибетской версии сравнительно с персидской, чего, собственно говоря, и следовало бы ожидать, исходя из истории появления обоих памятников. Попробуем это показать еще на одном примере.

В «Книге Заратуштры» есть один эпизод, который в его биографии не играет особой роли, но зато является центральным в биографии Митры — это рассказ о битве армий севера и юга (Мидии и Персиды). В персидском источнике он излагается следующим образом: «Заснув, Заратуштра увидел во сне сильную и многочисленную армию севера, которая двигалась на него с враждебным видом. Заняв дорогу, она закрыла ему весь проход. Когда Заратуштра посмотрел в другую сторону, то [увидел, что] появилась другая армия, храбрая и враждебная, которая заняла южную сторону. Они начали сражаться одна против другой, и армия севера была разгромлена. Это было то, что бог показал Заратуштре во сне».<sup>24</sup>

Далее дается толкование этого сна: Заратуштра знает таинства «хорошего закона». Если он покинет бога, то вернется на «темную землю»; если откажется открыть людям «благый закон», откажется от истины, то демоны и колдуны, узнав об этом, «окопашутся на битву».<sup>25</sup>

<sup>19</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 4; 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 15—78.

<sup>20</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 5—9.

<sup>21</sup> 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 60—61.

<sup>22</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 9; 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 68—70.

<sup>23</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 10—16, 24—26; 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 604—714.

<sup>24</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 23—24.

<sup>25</sup> Там же, с. 24.

То, что в персидской версии изображается как нечто нереальное, в тибетской версии происходит наяву, причем об этом рассказывается как о вполне реальном историческом событии, с указанием на вполне конкретные исторические лица, города и страны.<sup>26</sup>

Дальнейшее развитие персидского сюжета о битве армий севера и юга в плане эсхатологии можно видеть в той части книги пророка Даниила, составление которой относят к началу нашей эры (гл. XI—XII). Уже отмечалось в научной литературе, что этот раздел испытал на себе сильное влияние персидских идей и представлений.<sup>27</sup>

«Книга Заратуштры», как и биография Митры, заканчивается пророчествами о грядущих тяжелых временах. Пророчества Мамеры (Митры), как они изложены в рукописи XV в., ближе всего по содержанию к пророчествам, содержащимся в «Книге Заратуштры». В самом начале пророчеств персидской книги сообщается следующее: «Все рожденные тогда, к концу этой эпохи, будут злодеями. Среди людей тогда ты не найдешь никакой добродетели, а будет только гнев, злоба, мятежи и раздоры. Хлеб и соль не будут уважаться, старики не будут почитаться. Враги заповедей [бога] будут угрожать жизни того, чья душа ищет заповедей. Ты не найдешь ни разума, ни [доброй] воли среди этих людей, и не будет добра в их словах, не будет больше мощи и державы у верных, у людей почитаемых и честных».<sup>28</sup>

В самом начале своего толкования первого сна Шахаиши пророк Мамера говорит следующее: «Прииде время то злое от востока до запада. и по всем градом зло много будет. и мятежь въ всех человецех. не будет права сердца ни мысли. и божиа заповеди не съхранять. другъ другу будет врагъ. а князь будет на князя. и стареишины також. и в то время злое не будет кто добра смыслити, или сътворити, языком глаголетъ добро. а в сердца мысли злая».<sup>29</sup>

Далее по порядку в обоих текстах, в персидском и в толковании первого сна Шахаиши, также есть общие мотивы: говорится о стихийных бедствиях, следствием которых явятся неурожай, голод, «истощение» крупного и мелкого рогатого скота (персидский текст<sup>30</sup>), «и птицы, рыбы умалится. а овоща скудость будет. лета и месяци съкратятся. и потом изгыбнет миръ».<sup>31</sup>

Затем в персидском тексте говорится о забвении людьми священных ритуалов, о впадении людей в ересь, говорится о том, что многие знатные и блестящие люди будут блуждать вдали от родных очагов.<sup>32</sup> Этому рассказу есть некоторые соответствия в толковании на второй сон Шахаиши: «. . . и роди, и племена от божиа службы укланяться. и никтоже добра сътворить скупости ради брашенныя. своих племян отлучатся. и своих друзей, видяще их въ убожестве телесне».<sup>33</sup>

Основной и главной частью «Слова» является толкование на первый сон Шахаиши, в котором полностью изложена суть пророчеств: в будущем человечество ожидают многие тяжкие испытания и беды, после чего наступит конец света. Толкования на остальные сны — это всего лишь повторение, иногда более подробное изложение сюжетов или дополнения к ним,

<sup>26</sup> 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 91—150.

<sup>27</sup> J. W. S w a i n. The Theory of the Four Monarchies. — Classical Philology, Chicago, 1940, vol. XXXV, № 1, p. 1—21.

<sup>28</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 68—69.

<sup>29</sup> А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 5.

<sup>30</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 70.

<sup>31</sup> А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 6.

<sup>32</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 70.

<sup>33</sup> А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 6.

которые даны в первой части «Слова». Так как именно толкование на первый сон обнаруживает наибольшую близость к тексту персидского сочинения, то очевидно, что эта часть пророчеств «Слова» и «Книги Заратуштры» восходит к одному общему для них персидскому источнику. Стоит обратить внимание на одно важное несоответствие между русским и персидским текстами: в русском тексте говорится о конце света, тогда как в персидском, а также в тибетском речь идет только о конце определенной эпохи, которая будет отмечена появлением одного из очередных «спасителей», последователей учения Заратуштры и Митры. Объясняется это несоответствие, вероятнее всего, тем, что «Слово» имело хождение в христианской среде, что и вызвало соответствующее изменение в русском тексте, которое было сделано в духе новой идеологии.

В последующих пророчествах Мамеры, в его толкованиях третьего-одиннадцатого снов царя, есть сходные с персидскими мотивы: о скупости, мятежах и т. д., но поскольку эти пророчества в обоих текстах идут несинхронно и поскольку характер изложения в них разный, постольку мы этих сюжетов касаться не будем.

В конце «Книги Заратуштры» содержатся пророчества о войнах между народами.<sup>34</sup> Эти эпизоды находят себе некоторые параллели в толковании на двенадцатый сон, т. е. последний, по поздним спискам «Слова». А. Н. Веселовский отмечал близость этих пророчеств к отрывку из «Слова Мефодия Патарского», в котором говорится о «сынах Измаиловых».<sup>35</sup>

Сопоставление пророчеств, содержащихся в тибетском, русском и персидском текстах, дает некоторые основания предполагать за тибетским наибольшую древность. Русский текст, восходя к неизвестному для нас персидскому оригиналу, отражает их вариант, развившийся и обогатившийся на протяжении нескольких, а может быть, и многих столетий за счет вполне реальных событий. В «Книге Заратуштры» можно видеть использование той же самой персидской версии пророчеств, которая легла в основу «Слова». Так как «Книга Заратуштры» создавалась в более позднее время, в XIII в., то она, естественно, была дополнена новым материалом, основанным на реальных исторических событиях, которые наблюдал или о которых слышал персидский автор. Ту же самую тенденцию к обогащению содержания можно предполагать в поздних списках «Слова», но говорить об этом более подробно можно будет только после опубликования критического издания «Слова», выполненного по всем основным спискам.

Изучение «Слова» в связи с памятниками литературы Востока дает, как нам кажется, интересный материал для более глубокого понимания тех взаимоотношений, которые существовали в прошлом между народами в области культуры и литературы.

<sup>34</sup> Le Livre de Zoroastre. . . , p. 73—74.

<sup>35</sup> А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 13.